

Рикорд Петр Иванович

**Записки флота капитана Рикорда о
плавании его к японским берегам в 1812 и
1815 годах и о сношениях с японцами**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Иванович Р.**
Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1815 годах и о сношениях с японцами /
Рикорд Петр Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 117 с.

ISBN 978-5-519-80705-0

Военная наука. Военное дело -- История войн, военной науки и военного искусства -- Россия -- Период феодализма
(4 в.-1861 г.) -- Период с 90-х гг. 18 в.-1861 г. -- Русско-японский конфликт 1811-1813 гг. -- Записки

ISBN 978-5-519-80705-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

**По повелѣнію высшаго начальства, совершено мною
троекратное плаваніе къ берегамъ Японскихъ, для осво-
божденія Капитана Головкина, Мичмана Мура, Штурмана
Хлебникова, четверыхъ матросовъ и одного Курильца,
захваченныхъ Японцами. Всевышній благословилъ сіе пред-
пріятіе воздѣльными успѣхами: Японцы, убѣдясь въ
миролюбивомъ къ нимъ расположеніи Россіи, освободили
нашихъ соотечественниковъ, и сверхъ того положили осно-
ваніе будущему сближенію двухъ соседственныхъ народовъ
къ взаимной ихъ выгодѣ, издавна желаемому Россійскими
Прасительствомъ, но неудавшемуся отъ непреодолимыхъ
причинъ.**

Дерзая посвятить Всеавгустейшему имени Вашего Императорскаго Величества, напечатанное по Высочайшему повелѣнію Вашему на отчетъ Кабинета поощреніе о семъ подвигъ , предпринятомъ съ ревностнымъ желаніемъ принести пользу отечеству.

ВСЕМПЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

***оприподдакный
Петръ Рикордь.***

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

Взятіе Японцами Капитана Головинна при Островѣ Кунаширъ.
Шлюпъ сѣнилотелъ съ якоря и подходитъ къ крѣпости. Японцы
начинаютъ стрѣлать по намъ изъ пушекъ; мы имъ отвѣчаемъ,
сбиваемъ одну батарею, но главной крѣпости не могли причин-
ить никакого вреда. Покушеніе наше объясняется съ Японцами,
но безъ успѣха. Хитрость ими употребленная для заглавнѣя
пансю плутокю. Мы остаемся на берегу писемъ и иѣкоторыя
вещи для извѣстныхъ нашихъ соотечественниковъ и отсылаемъ
ихъ Охотку. Прибытіе въ Охотку и отправленіе мое въ Иркутскъ;
трудности и опасности пути сего. Весною и возвращаюсь опять
въ Охотку съ Японцемъ Леонзаймомъ. Приготовленіе шлюпа
къ походу, на который и беру привезенныхъ изъ Камчатки шесть
человѣкъ Японцевъ и отправляюсь къ острову Кунаширу. Опас-
ности, угрожавшія намъ кораблекрушеніемъ при островѣ Са-
ломы. Прибытіе въ заливъ Нахбы. Возвращеніе наши попу-
щенію открытъ переговоры съ Японцами. Упрямство и злоба
Леонзайма, и объявленіе его, что наши извѣстны убиты. А отпус-
ка привезенныхъ на шлюпѣ Японцевъ на берегъ и беру съ
японского судна другихъ людей, въ томъ числѣ начальника
оплаго, отъ котораго мы узнаемъ, что наши живы. Отправленіе
наше со взятыми Японцами изъ Кунашира и благополучное при-
бытіе въ Камчатку 1

Знакомство въ Камчаткѣ. Прощанье, поступки и обращеніе извѣстнаго
плута Японца по имени Тахата-Кахи. Свидѣнія полученные отъ
него о нашихъ извѣстныхъ и о Яковѣ. Отправленіе шлюпа изъ
Камчатки и прибытіе къ Кунаширу. Странный поступокъ Таха-
та-Кахи, и понятіе Японцевъ о чести. Расположеніе начальника
крѣпости поступить съ нами въ переговоры. Я посылаю одного
изъ Японцевъ на берегъ; онъ возвращается и доставляетъ мнѣ
офіціальную бумагу отъ японскихъ чиновниковъ. Кахи отпра-
вляется на берегъ и возвращается съ извѣстными извѣстіемъ,
что Японцы рѣшились начать съ нами переговоры. Доставленіе
къ намъ спосредствомъ записки Капитана Головинна, изъ коей
узнали мы, что они все живы. Прибытіе изъ Матемля значащихъ
чиновниковъ для переговоровъ съ нами, которые и производились
посредствомъ Тахата-Кахи. Свидѣніе съ однимъ изъ извѣстныхъ
нашихъ матросовъ, который доставляетъ мнѣ письмо отъ Г.
Головинна, тѣмъ отъ Японцевъ съихъ матросомъ привезенное.
Требованіи Японскаго Правительства; согласіе мое удовлетворить
онымъ, на какой концъ и отправляюсь въ Охотку. Прибытіе
въ сей портъ, заглавнѣя наши въ ономъ и приготовленія къ третьему
походу, предпринимаемому нами для освобожденія нашихъ извѣ-
стныхъ

Отправленію шлюпа изъ Охотска. Прибытіе на востъ японскихъ береговъ. Продолжительная буря и прѣтлыя вѣтры, насъ петрѣтивши. Мы достигаемъ порта Эдомо, получаемъ тамъ званіе и отправляемся въ Хакодаде. Пріемъ, сдѣланный намъ Японцами. Переговоры съ ними посредствомъ Таката-Кизи. Свиданіе мое съ японскими чиновниками на берегу. Подпись свиданія съ Г. Головнинымъ. Объясненіе некоторыхъ статей, заключающихся въ требованіи Японскаго Правительства. Японцы рѣшаются освободить нашихъ и японскихъ соотечественниковъ и назначаютъ для сего день, въ который я пріѣзжаю на берегъ, и возвращаюсь на землю съ освобожденными нашими японцами. Учености и привѣтствія японскихъ чиновниковъ, посѣдившихъ шлюпъ. Мы отправляемся въ путь, терпимъ въ морѣ ужасную бурю, и достигаемъ наконецъ благополучно Петропавловской Гавани. Несчастная участь, постигшая Г. Мура .

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА РПКОРДА.

1811 года, 11-го числа, въ 11 часовъ по полупочти, и, ежели считать по древнему обычаю съ Септлбря, то и 11-го мѣсяца Юля, постигло насъ то печальное происшествіе, которое останется въ памяти всѣхъ служившихъ на японскій Діамъ на всю жизнь неизгладимымъ, и всегда будетъ возобновлять скорбиныя чувствованія при воспомнаніи о немъ. Извѣстно читателямъ, что несчастіе, постигшее Капитана Головинна, свергнувшее насъ въ глубокую тоску и поразившее духъ нашъ недоумѣніемъ, было неожиданное: оно разрушило всѣ наши вѣрные вѣды о возможности возвратиться сего же года въ отечество, концы улаживались ны при отправленіи изъ Камчатки для описи Курильскихъ Острововъ, ибо, когда свершился роковой ударъ разлученіемъ насъ самымъ ужаснѣйшимъ образомъ съ достойнымъ и любимымъ нашимъ начальникомъ и съ пятилѣтними сослуживцами, никто уже не помышлялъ о возвращеніи къ своимъ родственникамъ и друзьямъ, а всѣ, положивъ твердое упованіе на Бога, единодушно рѣшились, какъ офицеры, такъ и команда, не оставлять японскихъ береговъ, доколѣ не испытаемъ всѣхъ возможныхъ средствъ для освобожденія своихъ сослуживцевъ, если они въ живыхъ; если же они, какъ мы иногда полагали, убиты, доколѣ не отмстимъ надлежащимъ образомъ на тѣхъ же самыхъ берегахъ.

Проводивъ Г. Головинна со всѣми съѣхавшими съ него на берегъ въ зрительныя трубы до самыхъ городскихъ воротъ, куда они были введены въ сопровожденіи великаго числа людей и, какъ намъ казалось по отлицному разноцвѣтному одѣванію, значительныхъ японскихъ чиновниковъ, и рукоподстоуясь одинаковыми съ Г. Головиннымъ правилами, я ни мало не подозрѣвалъ. Японцевъ въ вѣроломство, и до такой степени быть ослѣпленъ увѣренностью въ искренности ихъ поступковъ, что, оставшись на шлюпѣ, занимался приращеніемъ всего въ лучшій порядокъ по случаѣ пріѣзда Японцевъ выѣстѣ съ Г. Головиннымъ, какъ добрыхъ посѣтителей. Среди такихъ занятій, около полудня, слухъ нашъ внезапно пораженъ былъ сдѣланными на берегу выстрѣлами и чрезвычайнымъ въ то же время крикомъ народа, бѣжащаго толпою изъ городскихъ воротъ прямо къ шлюпкѣ, на которой Г. Головиннъ съѣхалъ къ намъ на берегъ. Посредствомъ зрительныхъ трубъ мы явственно видѣли, какъ народъ, бѣжащій, въ безпорядкѣ, расхватывая со шлюпки яхты, паруса, весла и другія принадлежности. Между прочимъ казалось намъ, что одного изъ нашихъ гребцовъ *моджиги* Курильцы понесли на рукахъ въ городскія ворота, и вбѣжавъ туда все, заперли ихъ за собою. Въ ту же минуту настала глубочайшая тишина: все селеніе съ морской стороны было зашитою полсатою бумажною матеріею, и потому нельзя было видѣть что тамъ происходило, а вѣдь его никто уже не показывался.

При такомъ насильственномъ поступкѣ Японцевъ, жестокое недоумѣніе объ участи оставшихся въ городѣ нашихъ сослуживцевъ терзало наше воображеніе. Всякій удобнѣе можетъ это постигать по собственнымъ своимъ чувствамъ, понимая себя на нашемъ мѣстѣ, нежели я могу описать. Кто читалъ Японскую Исторію, тотъ легко можетъ вообразить, чего надлежало намъ ожидать отъ мстительнаго народа Японцевъ.

Не теряя ни минуты, я приказалъ сняться съ якоря, и мы пошли ближе къ городу, полагая, что Японцы, увидѣвъ въблизи себя военное судно, перемѣнятъ свое намѣреніе, и, можетъ быть, согласятся, вступивъ въ переговоры, выдать

нашихъ, захваченныхъ ими. Но вскорѣ уменьшившійся до двухъ съ половиною сажень глубина принудила насъ стать на якорь еще въ довольномъ разстояніи отъ города, до котораго хотя ядра наши и могли достигать, но значительнаго вреда намъ были не въ состояніи. И въ то время, какъ мы приготовляли шлюпъ къ дѣйствию, Японцы открыли огонь съ поставленной на горѣ батареи, которой ядра брали еще на нѣкоторое разстояніе далѣе нашего шлюпа. Сохранили честь отечественнаго и унаследованнаго всѣми просвѣщенными державами, а теперь оскорбленнаго флага, и чувствуя правоту своего дѣла, я приказалъ открыть пальбу по городу ядрами. Со шлюпа было сдѣлано около 170-ти выстрѣловъ; намъ удалось сбить упомянутую на горѣ батарею; притомъ мы примѣтили, что тѣмъ же сдѣлани желаемого нами впечатлѣнія на городъ, закрываемый съ морской стороны земляными валомъ, равно и ихъ выстрѣлы не причинили ни какого поврежденія на шлюпѣ. Посему я счелъ за безполезное оставаться въ семъ положеніи долѣе; приказалъ прекратить пальбу и спускаться съ якоря. Японцы, по-видимому, ободренные прекращеніемъ нашего огня, были безъ разбору во все время нашего удаленія отъ города. Не имѣя достаточнаго числа людей на шлюпѣ, кони можно было бы сдѣлать высадку, но въ состояніи мы были предпринять ничего рѣшительнаго въ пользу нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ: всѣхъ людей на шлюпѣ оставалось съ офицерами 51 человекъ. Потеря любимого и унаследованнаго ими кпптяна, который въ преплытіи великихъ морей, и при перемѣнахъ разныхъ климатовъ, такое прилагалъ о нихъ тѣніе, потеря прочихъ сослуживцевъ, исторгнутыхъ коварствомъ изъ среды ихъ, и можетъ быть, какъ полагали, лютейшимъ образомъ умерщвленныхъ,—все это до нешмовѣрной степени огорчило служащихъ на шлюпѣ и возбудило въ нихъ желаніе отмстить вѣроломству, до такой степени, что всѣ съ радостью готовы были броситься въ средину города, и метящею рукою или достигнута свобода своимъ соотечественникамъ, или заплатить дорогою цѣною за коварство Японцевъ, пожертвовать самою жизнью. Съ такими людьми и при такихъ чун-

ствованіяхъ не трудно было бы произвести сильное впечатлѣніе надъ коварными врагами; но тогда шлюпъ оставался бы безъ всякой защиты, и могъ легко быть преданъ огню: всякое удачное и неудачное покушеніе осталось бы въ Россіи навсегда неизвѣстнымъ, равно и собранныя нами свѣдѣнія въ сей послѣдней экспедиціи при описаніи южныхъ Курильскихъ Острововъ, и много времени и трудовъ стоившее описаніе географическаго положенія сихъ мѣстъ, не принесли бы также ни какой ожидаемой отъ того пользы. Отошедъ далѣе отъ города, стали мы на якорь въ такомъ разстояніи, чтобы ядра съ крѣпости до насъ не могли достать, и между тѣмъ положено было написать письмо къ попавшемуся въ плѣнъ нашему капитану. Въ немъ изложили мы, сколь чувствительна была намъ потеря въ лишеніи своего начальника и сослуживцевъ, и сколь несправедливъ и противъ природному праву поступокъ кунаширскаго начальника; извѣстили, что отправляемся теперь въ Охотскъ, для донесенія высшему начальству, что всѣ на шлюпѣ до одного готовы будутъ положить жизнь свою, если не будетъ другихъ средствъ къ ихъ освобожденію. Письмо подписано всѣми офицерами и положено въ кадку стоявшую на рейдѣ. Къ вечеру мы еще оттянулись по западу далѣе отъ берега, и провели ночь въ готовности отразить печальное нападеніе непріятеля.

Путру мы видѣли, съ помощью зрительныхъ трубъ, что изъ города вывозятъ на выюныхъ лошадяхъ пожитки, пѣрелтно спасаясь, чтобы мы не покусились какимъ либо средствомъ сжечь городъ. Въ восемь часовъ утра, руководствуясь, хотя съ крайнею печалію, необходимою должностью службы, отданнымъ отъ себя приказомъ приказавъ я, по старшинству моего чина, шлюпъ и команду въ свое вѣдѣніе, и потребовалъ отъ всѣхъ оставшихся на шлюпѣ офицеровъ письменнаго мнѣнія о средствахъ, какое кто изъ нихъ признаетъ за лучшее къ вырученію нашихъ соотечичей. Общимъ мнѣніемъ положено оставить непріятельскія дѣйствія, отъ которыхъ участь плѣнныхъ можетъ едѣваться еще хуже, и Японцы, могутъ быть, поку-

слетя чрезъ то и на жизнь ихъ, если она еще сохранена, а идти въ Охотскъ для допесенія о семъ высшему начальству, которое можетъ избрать надежныя средства къ вырύτεнію захваченныхъ, если они живы, или къ отищенію за коварство и нарушеніе народнаго права, въ случаѣ ихъ умерщвленій.

На разсвѣтѣ послалъ я штурманскаго помощника Среднаго на шлюпкѣ къ поставленной на рейдѣ кадкѣ осмотрѣть, взято ли письмо наше положенное третьяго дня. Но дойдявъ еще до кадкы, онъ услышалъ въ городѣ барабанный бой, и возвратился съ мыслию, что изъ города его атакуютъ на грѣбныхъ судахъ. И въ самомъ дѣлѣ примѣтили мы одну отвалившую балдору, но она нѣсколько отлѣхавъ отъ берега, поставила еще новѣ кадку съ торпыми флюгарками. Увидѣвъ это, мы тотчасъ снялись съ якоря, въ намѣреніи подойти ближе къ городу и послать грѣбное отъ себя судно осмотрѣть кадку, не найдется ли въ ней письма, или чего другаго, по чему мы могли бы дознаться объ участи нашихъ товарищей; но скоро примѣтили, что кадка прикрѣплена была къ деревкѣ, у которой конецъ былъ на берегу, и съ помощью коей нечувствительно притягивали ее къ берегу, думая такимъ образомъ заманить шлюпку ближе, и завладѣть ею. Примѣтивъ это коварство, мы тотчасъ стали на якорь. При малѣйшей возможности ласкали мы себя надеждою узнать объ участи несчастныхъ товарищей нашихъ, ибо съ того самаго времени, какъ сдѣлались они жертвою японскаго вѣроломства, судьба ихъ была для насъ совершенно неизвѣстна. Съ одной стороны думали мы, что метительность азійскаго, при такомъ непріязненномъ расположеніи, не допустить ихъ оставлять нашихъ пѣвиныхъ долгое время въ живыхъ, а съ другою разсуждали, что Японское Правительство, похвальное всѣмъ за особенное благоразуміе, конечно не рѣшится оказать мщеніе надъ семью людьми, во власть его попавшимися. Горлясь такимъ образомъ въ неопредѣленности, мы ничего не могли лучшаго придумать, какъ показать Японцамъ, что считаемъ нашихъ товарищей живыми, и что никакъ не воображаемъ, чтобъ въ Японіи

жизнь понавинхся въ шлангъ не сохранялась, такъ же, какъ въ прочихъ просвѣщенныхъ государствахъ. На сей конецъ послать и Мичмана Филатова къ одному оставшему безъ людей солдату, на мысѣ находящемуся, приказавъ ему оставить приготовленное и укладенное порохы съ надписями для каждаго изъ офицеровъ бѣлье, бритвы и нѣсколько книгъ, а для матросовъ платье.

14-го числа, съ горестными чувствованіями оставши мы заливъ *Мэлины*, по справедливости названный сныть вмесемъ офицерами пѣлона *Діаны*, и пошли прямѣйшимъ трактомъ къ Охотскому Порту, будучи почти по все время окружены непроницаемымъ густымъ туманомъ. Одна пасмурная погода причинила плаванію нѣкоторую непріятность; вѣтры же были благопріятные и умирные. Но ужаснѣйшая изъ всѣхъ бурь сопрѣствовала въ душѣ моей, доколѣ мы, по тихости вѣтровъ, нѣсколько дней плавали въ виду печальнаго острова Кунашира! Слабый лучъ надежды по временамъ подкрѣплялъ мой унылый духъ: я льстился мечтою, что мы еще не навсегда разлучены съ нашими товарищами; съ утра до вечера осматривать я въ зрительную трубку весь морской берегъ, подѣясь увидѣть кого нибудь изъ нихъ на челнокѣ, спасагося изъ жестокаго шланга, по пущенію *Пропѣйша*; но когда мы вышли въ пространство Восточнаго Океана, гдѣ зрѣніе наше за густотою тумана простиралось только на нѣсколько сажень, тогда самыя мрачныя мысли овладѣли мною и по престапаніи днемъ и ночью наполняли мое воображеніе разными мечтами. Я жилъ въ каютѣ, которую плть дѣтъ занималъ другъ мой *Голонинъ*, и въ которой многіе вещи оставались въ томъ же порядкѣ, какъ были положены имъ самимъ въ самый день его отъѣзда на злополучный берегъ; все это напоминало весьма живо о недавнемъ его присутствіи. Офицеры, ходившіе ко мнѣ съ докладами, часто по привычкѣ ошибались, называя меня именемъ *Г. Голонина*, и при этихъ ошибкахъ поробовляли скорбь, изолоклавшую у нихъ и у меня слезы. Какое мученіе терзало душу мою! Давно ли, думалъ я, разговаривалъ я съ нимъ о предстоявшейся намъ возможности возстановить доброе съ